

КРАСКИ МАСТЕРА

Он уже без парика и, сидя перед зеркалом, привычными движениями снимает грим с лица. Его теперь не видят зрители...

А только что они восторженно вызывали его к рампе. Ионов раскланивался, и люди снова аплодировали, покоренные его талантом, его обаянием и доброй улыбкой.

Душевный контакт со зрителями — большая награда для актера. Больше ста раз играл А. Ионов роль «неистового мавра», и каждый спектакль требовал отдельного напряжения физических и духовных сил. Казалось бы, все знакомо, играно и переиграно, каждая мизансцена продумана в деталях, отработаны каждый жест, каждая интонация. Но в том-то и дело, что Ионов не может просто «играть», особенно в шекспировских спектаклях. Он живет радостями и страданиями своего героя.

Ионов не прибегает при чтении монологов к декламационному пафосу — излюбленному приему тех актеров, которые в свое время старались «шиллеризовать» Отелло, вызвать у зрителей сентиментальные эмоции. Нет, Ионов просто и естественно убеждает нас в моральном превосходстве своего героя над знатными вельможами, в чистоте и благородстве его помыслов, поступков.

Он с нарастающим темпераментом раскрывает трагедию обманутого доверия. Не сразу, а постепенно, исподволь, яд подозрительности отравляет могучую натуру мавра...

На многочисленных репетициях и уже в процессе общения со зрителями актер упорно, взыскательно работал над «мостиками», переходами от одного психологического состояния к другому. Отелло то упоен любовью, придающей ему поистине богатырские силы, тогда он с презрением отвергает наветы Яго, то прислушивается к ним: ведь мавр, по характеристике Пушкина, «от природы не ревнив, напротив — он доверчив». Зрелость и мужество полководца удивительно сочетаются в нем с наивной, можно сказать, дикарской непосредственностью.

Как воплотить на сцене такую гамму противоборствующих чувств? В долгих, порою мучительных творческих поисках искал артист верные решения. Он перечитал гору исследований шекспироведов и театроведов, старался проникнуть в творческую лабораторию крупнейших мастеров сцены, решив следовать реалистическим традициям и манерам.

Эти традиции, воспринятые актером творчески, позволили ему

показать не страстишки, а подлинные страсти в их развитии, в динамике.

Мы рассказали об одной «коронной» роли Ионova, которую он сам так увлеченно любит, но за четверть с лишним века сценической деятельности Анатолию Александровичу пришлось сыграть множество ролей.

Не будем приводить их длинный перечень. Сошлемся, например, на созданные актером образы Беркутова, ловкого дельца из дворян, алчного «рыцаря наживы» («Волки и овцы» А. Н. Островского), отставного солдата Митрича, обличителя «пакостниц» и «лесных зверей», совершающих преступления в условиях беспросветной темноты и забитости дореволюционного крестьянства («Власть тьмы» Л. Н. Толстого). Лучшие образцы отечественной и мировой драматургии дают возможность актеру овладевать мастерством перевоплощения, раскрывать различные характеры.

— Но, конечно, — говорит Анатолий Александрович, — я, как и мои товарищи по сцене, больше всего люблю играть наших современников, замечательных советских людей...

Таких ролей сыграно тоже множество. Расскажем кратко о некоторых, еще свежих в памяти. Вот Игнат Корчной, начальник геологической экспедиции («Мой человек» Тамары Ян). В трактовке Ионova Корчной — человек, который не может трудиться вполсилы, он отдает любимому делу всю энергию. Корчной непоколебим в своих убеждениях и принципах, совесть не позволяет ему соглашаться на какие-либо компромиссы.

Работа над этим образом была весьма кропотливой, актер не сразу нашел верные штрихи, позволяющие показать Корчного как работника и человека в единстве этих понятий. Вначале его герой выглядел мрачным, отрешенным от всего, что не относится к делу. Дружеские замечания товарищей помогли актеру снять с образа некоторую аске-тичность, обогатить характер.

Последняя работа А. Ионova — роль старика Салова, отца Нюры («В день свадьбы» В. Розова). Видевшие этот спектакль знают, что в финальной сцене отец не только не осуждает дочь, решительно отказываясь от эгоистического «счастья», а, наоборот, одобряет ее поступок, горячо поддерживает Нюру, хотя и печалится о ее судьбе. У Ионova такой финал закономерен, продиктован логикой развития образа. Несмотря на большой успех спектакля, и в частности работы Ионova, он ее продолжает, стремясь внести в характер Салова больше теплоты, проникновенности.

У актера есть, разумеется, свои планы и сокровенные мечты, он, как и его коллеги, предъявляет серьезный счет нашим драматургам.

— Мы ждем, когда же, наконец, появятся такие пьесы, — говорит Анатолий Александрович, — которые по праву можно было бы поставить в один ряд с «Любовью Яровой», «Платоном Кречетом», «Разломом» и другими произведениями советской драматургической классики. Ведь именно наше время, 60-е годы, удивительно богато героями, и теория «дегероизации» придумана просто убогими людьми, у которых на глазах шоры. Почему до сих пор нет, например, хорошей пьесы о космонавтах, о замечательной среде, в которой они росли и воспитывались, готовясь к подвигам? Мы ждем с нетерпением и волнением таких пьес!

Характеристика артиста Новокузнецкого драматического театра А. А. Ионova будет неполной, если не добавить, что он — активный общественник, член художественного совета театра, охотно и по-дружески помогает артистической молодежи.

Его любят и ценят зрители. Неутомимый труженик искусства — он заслужил эту признательность.

М. ШЛИФЕР.

г. Новокузнецк.

НА СНИМКЕ: А. Ионов в роли Корчного.